

А. М. РИПЕЛЛИНО В ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ПОЭТОВ*

УТРО. Перевод Б. Слуцкого

Утром, когда молочницы приносят
Холодные, белые, блестящие бидоны;
Утром, когда городская травка
Продирает глаза, засыпанные грязью;
Утром, когда гремучие трамваи
Весело кидают солнечные зайчики
Друг дружке из окошка в окошко;
Утром, когда люди завернулись с головою
В свежие газеты, пахнувшие краской;
Утром, когда глаза еще закрыты,
Но жизнь уже пляшет под веками свой танец
На тонких, похожих на козьи, ножках, —
Утром я вытягиваю руки и бросаюсь
В кипящую речку звуков и красок —
Она течет через все мирозданье.
В лицо мне летят холодные брызги
И теплой радугой блестят надо мною.
Полотенце топорщится, как проволочная изгородь.
Солнце ставит на нашем балконе
Зеркала и чаши — ряд за рядом,
И ножки моей дочурки немедля
Бьют на куски зеркала и чаши —

* Из сборника “Из итальянских поэтов”. Перевод с итальянского. Предисловие А. Суркова, Москва, Иностранная литература, 1958, с 70-76.

Чаши, что налиты солнцем до края.
Нет для меня ничего дороже
Этих рассветов, когда я снова
Вижу солнце на прежнем месте,
И под веселыми плетками душа
Жизнь запекает во мне свою песню.

ПРОРОЧЕСТВО. Перевод Б. Слуцкого

Я проходил мимо тысячи крючьев,
С которых свисали сыры и копченья,
И говорил себе: все они станут
Большими людьми, отцами города.
Каждый окорок с красной рожей
Купит себе картину Мурильо,
Будет слушать в опере “Джоконду”,
Будет ставить на жирных бумагах
Подпись, похожую на зернышко перца.
Ну а сыры поселятся в подвалах —
В темных подвалах, где наши судьбы
Сложены в черных и толстых папках.
Мы на прием запишемся к сыру.
Сыр, перевязанный орденской лентой,
Похожий на ожиревшего зверя,
Брызгая белой козьей слюною,
Нам улыбнется улыбкой свиною.
Но, несмотря на эту улыбку,
Мы будем спать на гниющем навозе;
Сыр же возляжет на пыльное ложе,
Ложе, что чем-то на булку похоже.
Даже шелковые мертвые птицы
Слетят, сорвутся с женских шляпок,
Чтоб не подохнуть с голоду и скуки
В этом космосе мелких буржуев.

ГАМЛЕТ. Перевод Б. Слуцкого

В длинных чулках из грубой шерсти,
С картонной шпагой, бьющей по бедрам,
Принц Датский,
Король скоморохов,
Странствует из местечка в местечко,
Чтобы сыграть на шатких подмостках
Маленьких провинциальных театров
Роль,
Мучительную, как и прежде.
Какая мука сидеть на скамейке —
Жалкой, деревянной,
Дрожащей,
Под старым небом из грубой холстины!
Какая мука внимать Офелии,
Слушать, как иглой пустословья
Она вышивает мережку бреда.
Какая мука глотать свой ужин
В обществе призраков в рваных рубахах,
По временам улыбаясь залу,
Ждущему маленькой оговорки,
Чтоб оскорбить, осмеять актера.
Позор! Но надо забыть о позоре,
И медлить с мезтью, и притворяться
Безумным — больше, чем на самом деле.
Странствует Гамлет. Гамлет кочует,
Он монологами громкими глушит
Хриплое бормотанье вагонов.
Гамлет бродит по станциям мира —
Грязным, но так же однообразным,
Словно салфетки в дешевом баре.

ДУДОЧКИ БРЮК. Перевод Б. Слуцкого

Дудочки брюк, чиненые ботинки,
Желтые трусы, чулочные резинки,
Огромные паруса старых рубашек
И другие вещи, негодные для стихов...

Разве ковер звездного неба
Ближе нам, дороже, милее,
Чем узенький пиджачишко?

Разве коралловые браслеты,
Те, которыми закат украшает
Тонкие запястья ветвей,
Ближе нам и дороже,
Чем старые матрасы?

Чиненые ботинки, рваные сорочки,
Штопаные носки, трущие пятку,
И другие вещи, негодные для стихов...

Разве изумруды и жемчуг,
Лебяжий пух и все звезды мира
Могут утешить больше и лучше
Пары обыкновенных штанов?

Разве нагая, холодная вселенная,
Дрожащая под жестокими бичами ливня,
Не нуждается в теплых рубашках,
В пиджаках и вязаных свитрах,
В полосатых матрасах и других предметах,
Которые для стихов не годятся!

ФЕВРАЛЬ. Перевод Н. Заболоцкого

Пришел февраль — огромный, бородатый,
Над каждым листиком, над каждой малой птицей,
Он плачет и томится, словно Горький.
Я весь опутан крыльями газет,
Распластанных по комнате. Я вижу
Сквозь строки надоевшего дождя
Оскаленную пропасть океана,
Землетрясения дальние и снег,
Подобный белым клавишам рояля.
Я вижу пушки, вижу их огонь,
Я замечаю строй марионеток,
Передвигающих орудья, чтобы дым
Клубами опускался на дорогу.
И нет мне радости от тех газетных крыл:
Убит дождем словесной схватки пыл.
Под завыванье желтых хроникеров
Жизнь скорчилась в гримасе, и томится,
Засосанная липкою трясиной,
О лучшем мире пленная мечта.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Перевод Н. Заболоцкого

В зеленых хижинах смеются дети Альп,
Когда, цепляясь за бинты тумана,
Вороний крик несется по долине.
В ущелье отдается гром реки —
То влажный конь через плотину скачет
И потрясает пенистой гривой.
Внимая перекличке воробьев,
На проводах и в воздухе холодном,
В зеленых хижинах смеются дети Альп,
Смеются листья тыквы и большие
Глаза подсолнечников, налитые блеском,

И маки на мохнатых стебельках,
Подобные фонарикам пунцовым.
Надев чулки, все в кисточках и лентах,
Подмигивает горное селенье,
И рой зонтов, надутых свежим ветром,
Смеется в отдыхающих руках.
И лишь четыре борова, которых
Сегодня здесь заколют на обед,
Ревут и стонут, и веселый праздник
Нарушен этим судорожным воем...

ЛЕБЕДЬ ИСКАНУС. Перевод Л. Мартынова

Из глухого и скрипучего
крика лебедя Исканус
родился квартет Яначека;
свет свечей и свет лампад
порожден картинами Пикассо.
И напрасно
мутно-копотливые уродцы
жизнь от творчества стремятся
черною стеною отделить.
И напрасно
вот ворует свечи,
мир пытаясь ввергнуть в сумрак ночи, —
светы снова загораются в картинах,
все оттенки у вселенной взяв.
Лебедей мясник напрасно режет,
думая, что сказку уничтожит, —
сказки голос все-таки прорвется
в музыке, в скрипении пера,
снова он по строкам пронесется,
новые бросая образы
в преходящее, в пустыню бытия.